

ВЗМАХ

СТИХИ

И

ПОЭМЫ

Иваново-Вознесенских

ПОЭТОВ

1921

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

4/VI-92 209
5.11.00 № 5885
17.10.04 № 5885

1624 К

ВЗМАХ

СТИХИ и ПОЭМЫ.

№ 1624, К

Ивановская обл. Научн. Библ.

Сред. Уралской

1921 г.

1921 г.

Ан

3-я Государственная типография Г. С. Н. Х. в гор. Кинешме.

Издание Ив.-Вознесенского Губернского Отделения „Роста“.
г. Иваново-Вознесенск август 1921 г.

Напечатано с разрешения Иваново-Вознесенского Госиздательства.

Р. В. Ц. гор. Ив.-Вознесенск.

Тираж 2000 экземпляров.

ВЗМАХ

стихи и поэмы Иваново-Вознесенских
поэтов.

В пользу пострадавшего
от неурожая Поволжья.

Издательство Сов. Печать, ГИИЛ.

Отдел Красной

ОТ РЕДАКЦИИ.

Стоном стонет ряд губерний, степные самарские края, Поволжье: их охватил мор. Поля сналила засуха и небольшой урожае уничтожила саранча. Старого хлеба нет, люди вырывают корни трав, едят лебеду и желуди для них—как лакомство...

Люди бегут с родных мест, покидают деревни, старые родные углы, идут в поисках лучшего и падают, гибнут, и устилают степи своими костями.

Можем ли мы пройти мимо народного бедствия? Можем ли без содрогания слушать стон, который докатывается до нас из разоренных мест?

Непередаваемый ужас голода должен быть смягчен, каждый кто чем может—должен помочь.

Мы, члены союза Иваново-Вознесенских поэтов, готовы помочь всеми силами и отозваться на народное горе, но сами мы ничего не имеем и ничем не можем помочь, кроме наших стихов.

Пусть эта наша помощь песчинка в море бедствия. Но из отдельных песчинок составляются песчаные степи, а из крупинки зерна—вороха и гурты.

Чем богаты—то и даем.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

ЕСЛИ ХЛЕБА НИ КУСКА,
ТАК И В ТЕРЕМЕ ТОСКА.

Поговорка.

* * *

Ах, ударили громы—не громы,
Прокатился пожар—не пожар:
Над землей пролетел листоя!'
Листояровый пышет пожар,
Знойным вихорьем носится гар.
Ах, ударили громы—не громы:
Задрожали лачуги, хоромы—
Пусты-наши амбары, закромы,
Все спалил ненасытный пожар.
За ударом удар,
За бедою беда
Потопила поля, города!

* * *

Шли весной на поля в ячмени,
Запевали в ядренные дни:
Ты постой, ты, неволя, уйди.
Поле, поле, нам хлеб уроди.
Поле, поле, насыпь до полна
Закрома наливного зерна!

* * *

Там не тройка рванулась в пути,
Голубые вихри взметая
Тройка—дьявол, побег вороти
С запокосного края.
Вороти, вороти,
Свой полёт укроти
И без этого все выгорает.
Рожь валится валом.
Стон стоит над селом!

* * *

Дождик, дождик, поля ороси!
Пятый год недород на Руси.
Измотался от горя народ—
Ах, не дай нам опять недород,
Ты надежду в умах воскреси,
Дождик, дождик поля ороси!

* * *

Выходили на поле толпой,
Пели хором в полях тропари:
Небо, небо, над алчной землей

Поднебесную хлябь отвори.
Ты постой, ты, неволя, уйди,
Поле, поле, нам хлеб уроди!
Поле, поле, насыпь до полна
Закрома налитого зерна!
Дым из медных звенящих кадил
Голубой полосой уходил.

* * *

Кто там стукнул несмело рукой?
Кто там плачет во тьме под окном?
Этот голос с печалью такой
Отзывается в сердце моем!
Или, может, почудилось мне?
Открываю окно. Тишина
Полыхает в холодном огне
Задымленной зари пелена.
По деревне собаки скулят,
Видит в темени острый мой взгляд
Там фигуру в бреду у плетня—
Не она-ль вызывала меня?
Не она ли несмелой рукой
Постучала, молчанье храня,
При погасшем закате огня?

* * *

Кто ты, кто и зачем подошла?
И чего ожидаешь вон там?
Голубая вечерняя мгла
К окнам дома тебя подвела,
К избяным по наружи углам?
По заплаканным черным глазам
Вижу: доля твоя тяжела.

* * *

Не кукушка кукует в бору,—
В голубую сходились жару,
Предвещавшую сгар-недород,
Запевали над полем начёт:
Ты постой, ах, неволя, уйди!
Поле, поле, нам хлеб уроди!
Поле, поле, насыпь до полна
Закрома налитого зерна!

* * *

Но дымилися сгаром поля,
Горевали на поле одни
Поле, поле, родная земля,
От несчастья нас охрани.
Дождик, дождик, поля ороси!

Пятый год недород на Руси
Измотался от горя народ
Ах, не дай нам опять недород
И надежду в умах воскреси
Ороси нам поля, ороси!

* *

Весь народ горевал, горевал:
От беды никуда не уйти.
День за днем—и зловещий и ал—
Огневые потоки метал
На поля, полевые пути.
Перелески окутывал дым,
Протекал над равнинами зной.
Как под черной бедой устоим
При печали земной?
И не верили свежему дню:
Все сгорело в полях на корню!

* *

То ли огненный вздыбился конь—
Опясал равнину огонь,
Дымом синим курится земля,
Опрокинулось солнце в поля,
Гарью стелется солнечный гар...
За ударом удар,
За бедою беда
Твое тело бичуют, Земля,
За ударом, удар,
За бедою беда.
Не уйти от нее, никуда.
И (печалью охвачен) народ
Повторяет над полем начёт:
Ах, постой ты, неволя, уйди!
Поле, поле, нам хлеб уроди!
Поле, поле, насыпь до полна
Закрома налитого зерна!

* *

Вот идут и идут и идут...
Покидают родные углы,
Им родные углы не милы,
Все от голода хмуры и злы—
Тащат скорб и детей и узлы
И идут и идут...
Жены плачут и дети ревут
И корова мычит на веревке.
От сплошной от тревоги и ревки
Сердце черные вороны рвут
Дождик, дождик, поля ороси!

Пятый год недород на Руси
Измотался от горя народ.
Ах, тяжел недород!

* *

Не родиться бы маяться нам,
Помереть эти дни не мило...
Вы прощайте, родные углы!
Вы прощайте родные места.
Проживешь ли за «ради-Христа»?
Да уйдешь ли от темной хулы?
За верстою верста
Вдаль идут, а поля, как палы,
Все идут, загорелы, голы,
Покидая родные углы,
Не родиться бы в маяту нам!

* *

По чужим сторонам
Разбрелись, разбредаются все.
Нет зерна на своей полосе,
А сусеки давно без зерна.
Не мила и своя сторона
Не мила, не мила!..
Повела, повела
Путь-дорога пыльна и дымна
На чужие края
Из родимых углов
Ты родная прости сторона!
Разрывается сердце без слов,
Обливается сердце в крови.
Доля, доля, ты сердце не рви!..

* *

Помогите, кто может помочь,
Разогнать эту черную ночь!

ВЗМАХ.

В Э И Х

За окном голубой перелив.
Голоса голубых куполов.
Я весною богат и счастлив,
Я сквозь дымку прошедших годов
Вижу ранние зори мои.

Сердце, радость свою не таи.
Не утайвай радостных снов,
Проглянувших сквозь дымку годов
В предвечерние зори мои.

Тает снег за окном. Тишина.
В тишине перелив голубой
Предвечерние тени за мной
Одевают вечерний покой.
А на сердце печальная тьма:
Тишина тишиной заткана.

Есть в лесу домик маленький. Там
Кто то долго грустит по ночам
Я на робкий гляжу огонек
По за талым полям.
Не невеста-ль грустит у окна,
Предвечерней мечте предана?
Не прохожий ли странник какой?
Ищет в книгах забытый покой?
Или тот, кто от жизни устал,
Старый томик с любовью достал
И уйдя от печали, забот,
Из забытого томика пьет,
Он Евгенья Онегина хмель...
Дышет тайной апрель...

Над землей тишина и покой.
И неясная талая тьма.
Там висит за лесами каймой
Непотушенных зорь бахрома.
Тишина и покой...

* * *

Город спит под стеклянным шатром.
Белой пылью дробятся огни.
Ночь! В покое своем заревом
Ты, как сына, меня обними.
Я устал. Я один. У меня
Нет ответной любимой души,
Как вон там за окном у огня,
Как вот в этой согретой тиши.
Я хожу по панелям сырым,
Я гляжу на чужие огни.

Не за тем ли окном голубым
Та, что скрасит холодные дни?
Ах, понять-ли, узнать-ли печаль?
Погасить ли в душе красоту?
Сжалось сердце—звонящий хрусталь
На неверном панельном следу.

* * *

Снова сердце радо новью,
Расцветают силы в теле.
С молодой гляжу любовью
На стеклянные капли.
Дни веселья прилетели,
Пролетая над землей.
Радость! Радость! Сила в теле
Ждет приход веселый твой.

И томленье и печали
Дни весенние сменили.
Вот вороны прокричали
О рожденной новой силе,
Прокричали и упали
С куполов литой эмали
Сны,—как сны колоколов,—
Пламень выплаканных слов.

Вон кружатся... На березы,
На оттаявшие прутья
Стадо галочье садится;
Там грачи готовят гнезда,
Чтобы новью зародиться.
Дышет радостью весна
В голубой разрез окна!

Кто там плачет? Кто там дышет?
Кто там шепчет за окном?
Под капелью за окном
В тихом шелесте ночном?
Кто стучится в наши окна
При закате заревом?
Это дышет нам весна
В голубой разрез окна,
Это сердце тайной дышет,
Пробужденное от сна.

Тридцать весен миновало
Вновь я жду ее приход.
На душе с печалью талой
Зазвенел хрустальный лед.
Я хожу в вечернем дыме,

Огоньки в окне ловлю.
Где мой свет неуловимый
Та, которую люблю?
Не за этой ли вот дверью.
Не за тем ли вот окном
Та, которой сердце вверю
При рассвете весневом?

* * *

Кукушкины слезки—трава,
Цветная моя повитель!
Тебе золотые слова
Кладу в золотую постель
На лунном узоре полей
Я песни простору сложу,
И скромною песней моей
Заснувшую даль разбуду...

* * *

У светлого потока,
На зарослях во рву,
Голубенькие цветики
В букетики нарву
И лишь закат румяный
Зажжет небес зарю,
Тебе, невеста светлая,
Цветы я подарю.

* * *

Там стеклянный на озере дом,
В нем живет золотая весна.
Только я на краю на другом,
И об этом не знает она.
Я бы поплыл к невесте весне,
Не промедлил бы лишнего дня.
Да весна обернется-ль ко мне?
Да узнает ли снова меня?
Много весен прошло без нее,
Много минуло темных ночей.
Ах, придет ли, дождусь ли ее
При беспесенной доле моей?

* * *

Тишина... И закат голубой...
И опять на душе поднялась
Грусть моя, неизжитая мной,
Как перистого облака вязь.
Я хочу твои смехи ловить
И кудрей твоих хмель целовать.
Только рвется капризная нить,
Только сердце не знает опять,

Ах, не знает оно бытия!—
Или эта она или та?
В тихой жизни моей по края
Голубая печаль налита.

В Н У Ч К А.

Гаснет—гаснет белый дым
По серебряным удолям,
Зори в чутком богомоли
Тлеют светом золотым,
Зажигает терема
Золотая бахрома.

Спите, спите, крепки сны
У небуженной постели.
Расцветайте силы в теле—
Ночи телу отданы.
Чуть шелохнулась трава,
Распустивши рукава,
Тихий ветер заузорья
В зори вымолвил слова.
По серебряному скату.
Дед на утреннем следу
Чешет бороду—лопату
В листовом саду.
В божьем тереме—саду,
На рассвете рано—рано
В голубую пыль тумана
Вижу слезы—меледу.

Проходила по росе
Девка с лентою в косе
Из удоля
Из за поля,
В сердце было суходолье.—
Пропадай шалая воля,
Как цветок на полосе!

Проходила по росе
Девка с лентою в косе.
Застят росы
Свет очей
Слышу—слышу
Голос чей,
Зори—росы
Жгут вопросы
В красоте
Литых ночей.
В сердце рана,
Боль тумана:
Будет мой
Или ничей?
Проходила в поле дым

Девка с сердцем молодым.
Всю ту ночь любились. Бились,
Плыли голуби—сердца,
Аромат дуга кадили
Красотой своей лица.
Дед на пчельнике в саду
Чешет бороду—лопату,
По серебряному скату
В грядах полет лебеду.
Ишь еще какая рань!
Видит внучку на тумане.
Ишь как рано девка встанет,
Зря себя ты не тумань!
Хорошо ли было спать,
В косы ленты заплетать?
И опять перекрестился,
Наклонился на гряде,
Снова солнце заиграло
На широкой бороде.
На гряде трава цветет,
Пчелы ищут взяток—мед
Где же внучка? Дед поднялся
— Видно рано. Отдохнет!
Ишь какая, прямо в мать:
Не видать и не слышать;
Ну, и скромница! Такую
На деревне поискать!
Ходит девка—ах, тоска!
Он придет-ли, не придет?
Невидимая рука
В сердце жалобу прядет.
Долог, долог летний день.
Клонит камень голова
Оперлася на плетень,
Слышит тайные слова.
Ах, слова! Милее вас
Нет и не бывает!
На душе поднялась
Радость голубая
Все сомненье, будто дым,
Пало, расколосось,
Как за полем яровым
Примечтался голос...
Вот и вечер. Жар спадает.
Дед хлопочет на гряде.
Золотую пыль влетает
Солнце в белой бороде.
Поглядел в дуга по яру,
Головой седой потряс.
Много вешнего угару
Сердце помнит и сейчас.

К О С Т Е Р.

ПОЭМА ЛЮБИ.

* *
*

Много принцев любовью воспето;
 Я воспеваю, я люблю ткача.
 Я не жду на любовь ответа,
 Молюсь его усталым плечам.
 Мне двадцать лет минет в июле;
 Я всхожу на страстный костер.
 Я не знаю, не гадаю сгорю ли,
 Иль закалю и сердце, и взор.
 На день, на миг встань со мною рядом,
 Моей мечты тоскующей друг!
 Любовь могучая кротким взглядом
 Упокоит боль мятежных рук.
 На площади города текстильщиков
 Ты, любовь, на сердце мне встала,
 Но не вижу я в тебе могильщика,
 Я под тяжестью твоей не пала.
 Ведь хрупким нежность суждена отравленная,
 По капле сердце суждено источать,
 А я любовью рабской не раздавлена,
 Я воспеваю, я люблю ткача.
 Ковром позволь мне на пути твоём лечь,
 Я бы тело на камнях распростерла.
 Я люблю твои усталые плечи
 И руки, зажегшие костер.
 Я в грезах на тайное свиданье
 Приходила к твоему станку
 И среди ласковых шептаний
 Мы поощему внимали челноку.
 Я взнесусь до тебя на мгновенье
 На соколином песенном крыле
 О возлюбленном ткаче песнопенье,
 Быть может, в мире—мой единственный след.
 Ветер мой костер раздувает,
 Я должна через костер пройти
 Сгорю ли, закалюсь ли,—не гадаю,—
 На страстном пламенном пути.
 Сломят принца хрупкоколейного
 Тяжесть моих любовных чар.
 Я горю на костре благоговейно,
 Я горю для борца—ткача.

* *
*

Ты идешь по улице пыльной.
 О взгляни на меня скорей!
 Мое сердце, милый, сильный,

Закали на страстном костре!
Позволь мне коснуться, милый,
Твоих спасительных рук!
Я сердце до дна открыла
Зажженному тобой костру.
Перед звонкими стою корпусами,—
Ты когда то работал здесь,
И лелею я нежно память
О твоём великом труде.
Еще малюткой странною силой
Я привлеклась к тебе, мученик—ткач,
И, как песню теперь, посвятила
Тебе мой первый сладкий плач,
Я склонюсь пред тобой на колени
На мостовой в пыль и прах...
Неужели тебя не заденет
Пламень моего костра!

* * *

Мой костер великаном встал;
Я безумно обнялась с ним.
О любви пойте уста,
Закаляйся, сердце, и звени!
Свободы подкрепительный глоток
Хлебну я ртами огненных ран.
Ведь это ты, свободный, зажег
Золотые кудри костра.
На костре страстным закалюсь я,
Зажженным рукой ткача.
Молитвой—песней молюсь я
Усталым его плечам.

27-го апреля 2-го мая 1921 г.

ДВЕ ПОЭТЕССЫ.

Я в предзорней слышу темноте
Топ коня звонко золотой.
В безумно—пророческой мечте
Я вижу пришествие той
Моя песня обрывочна, невнятна,
Не радужный она мотылек
Говорю я о чем то непонятном,
Я коня ее слышу скок.
Серебряную пыль взметая,
Пламеннокрылый конь летит.
Я радуюсь, о встрече мечтая,
Золотой музыке копыт.
Поэтесса великой эры,
Топчи, топчи мои песни—цветы.
Утоли жажду моей веры
Из чаши новой красоты.

Вспрянул к ней благоговейный дух мой,
 Следы копыт я хочу целовать.
 Освежительным ветром слух мой
 Овеяли дивные слова:
 — Песню женщины, мир, испей,
 Пейте мудрость из сердца у меня.
 И бросилась я грудью своей
 Под копыта ее коня.

П Р Е Д Т Е Ч А.

Я—с печальным взором предтеча.
 Мне суждено о другой вещать
 Косноязычной суровой речью
 И дорогу ей освещать.
 Я в одеждах темных страдания
 Ей готовлю светлый прием,
 Выношу я гнет призвания
 На усталом плече моем.
 Отвергаю цветы и забавы я,
 Могилу нежности рою в тени.
 О приди, приди, величаяя,
 Утомленного предтечу смени!
 Не могу я сумрачным духом
 Земные недра и грудь расцветить,
 Ко всему мое сердце глухо,
 Я лишь тебе готовлю пути.
 Я—неделя труда жестокого,
 Ты—торжественный день седьмой.
 Предтечу смени грустноокого,
 Победительный праздник земной.
 Я должна скорбный предтеча,
 Для другой свой дух потерять
 И вперед, ожидая встречи,
 Обезумевший взор вперять.

* *

Я упала в таинственный сон—
 Беспокойные думы усните!
 Мне приснился цветок. Испещрен
 Он был золотистыми нитями.
 Я увидела небо иное,
 Не виденное мною наяву.
 Пронизало сиянье неземное
 Мою голову, руки и траву.
 Я была холодной и чистой,
 Познавшей величавый покой.
 Я ласкала цветок золотистый,
 Как цветок, прозрачной рукой
 И с тех пор средь шума земного

О неземном я грущу цветке
И ожидаю неба иного:
Не засияет ли оно вдалеке.

УКРАДЕННАЯ УЛЫБКА.

Украду я улыбку чужую:
Он пошлет ее при мне комунибудь,
И дорогой ее перехвачу я
И спрячу в молчаливую грудь.
А ночью она осветит
Мое скорбное лицо звездой.
Хорошо себя приветить
Украденной улыбкой чужой.
И буду сердцем и смехом звенеть я
В часы моего торжества,
А потом должна смолкнуть, побледнеть я
До минуты нового воровства.

КУКЛА.

Заведенные скрытой пружинкой,
 Как живые, мигают глаза.
 Лицо с плутоватой ужимкой,
 На груди—коралла слеза.
 Дышишь тихо, спокойно, ровно.
 Поднимается выпукло грудь.
 И тебе Провидением словно
 Начерчен жизненный путь.
 Но, живая скрытой пружинкой,
 Все равно: дыши, не дыши,
 Плачь иль смейся с лукавой ужимкой,—
 Нет в холодном фарфоре души.

* * *

Падали сумерки синие,
 Кто-то мучился где-то,
 Иглами синего инея
 Как серебром, одетый.
 Даль темнела туманная,
 Сердце печаль давила.
 С смехом хрустальным, странная
 Ты от него уходила...
 Кралась желанья несмелые,
 Он тосковал по любимой.
 Снежные хлопья белые
 В вальсе мелькали мимо.
 Пали сумерки синие.
 Он все бродил без цели.
 Иглы синего инея
 Песню мятели пели.

ЧУЖАЯ.

Я молился тебе,
 А ты улыбаясь шла мимо.
 Верила ворожке:
 «Счастье не с ним».
 — Мне назначен другой.—
 Лелея надежду твердила.
 Твоим был слугой,—
 Безмерно любил.
 «Он» явился иной,
 Как камень бездушен.
 Кто же виной?
 Путы разрушь!
 Я молюся тебе,
 А ты, как и прежде, мимо...
 Покорна судьбе
 В несчастьи с ним.

ИЗ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА.

Чтоб тебя не узнал я так скоро,—со мною играешь.
Никогда не промолвишь ты слова, какое хотела-б сказать.
Лишь внезапными взрывами смеха меня ослепляешь,
Чтоб не мог я ни слез, ни печалей твоих разгадать.
Твою хитрость я знаю я знаю...
И, боясь, что тебя вдруг ценить я не буду,
Знаешь тысячи выходов ты от меня ускользнуть,
Чтоб с толпой не смешаться—ее ты сторонишься всюду.
И дорогой не тою идешь, отвергая свой правильный путь...
Твою хитрость я знаю я знаю.
И права твои больше других, потому что всегда молчалива.
Отвергаешь с игривой беспечностью ты все подарки мои...
Твою хитрость я знаю, я знаю—она уж не диво,—
От меня ты скрываешь всегда все желанья свои!

* *
* *

Когда устал душой недужной
От гула шумных городов,—
Уйди в луга с росой жемчужной
Под трепетанье ветерков.
Туда, где в дымках тонут дали,
Сжигает солнце фимиами.
И утолит твои печали
Для всех родной зеленый храм.
Под безмятежной неба синью
Забудешь все, к земле припав.
Уйдет печаль, вздохнув полынью,
Под колыханье нежных трав.

Д Ъ Я В О Л.

КОГДА Я В БУРНОМ МОРЕ
ПЛАВАЛ.

О. Сологуб.

Когда я в море скорби плавал
И мысль окутывала мгла
Передо мной явился Дьявол,
Где тьма глубокая легла.
Представ в зигзагах синих молний,
Беззвучно долго в тьме стоял.
И стало глуше и безмолвней
И страх безумья обуял.
—Скорбишь? ха ха... Я знаю скорби!
Я сам-весь скорбь...Но слышишь смех?
—Ха-ха!.. (Я замер, плечи сгорбив,

Как-бы попав под душный мех).
И долго молнии сверкали,
И я стоял, лишаясь сил,
А Дьявол голосом из стали
Все резче черный мрак сверлил.
—Что скорбь твоя? Твоя потеря—
Лишь звук пустой, самообман!..
Стоял я, (миг виденья мера),
Он плыл в дымившийся туман.
Светлело небо в тусклых звездах
И билась мысль: —„пришел конец“
Но грудь пила горячий воздух,
А в жилах лавой тек свинец.
Зарделся серый край Востока
И лик луны смеясь потух,
И где-то (близко иль далеко)
Три раза прозвенел петух.
И голос, как-бы из могилы,
Вещал:—„отныне скорбь мертва!“
...Очнулся. Возвращались силы,..
Глаза-открыл едва-едва.
Теперь, как только ответ зорний
В душе угаснет, скрывши день
Передо мной в зигзагах молний
Всплывает дьявольская тень.

Л Ю Б О В Ь Ю.

А. К. ВОРОНСКОМУ.

Не враждой, не яростью звериной,
Не железом, обагренным кровью,—
Мы сильны любовью голубиной,
Кроткою любовью,
Устремляясь к яростным победам,
Смерть, как витязь, ненасытно губит,
А любовь идет за нею следом,
Нежит и голубит.
Смерть сильна, но жизнь сильнее, братья.
Верьте в жизнь, в ее победу верьте.
Поцелуем, радостью зачатья
Попран скипетр смерти.
Непрестанно сейте и рождайте,—
Сев любви воспрянет юной новью.
Дети жизни, вечно побеждайте
Гроб и смерть любовью!

* * *

Молчаливый вечерний покой,
Дай ночлег бесприютным воронам!
Голый клен исхудалой рукой
Засвечает звезду над прогоном.
Окна пьют леденящую синь.
Звонкий воздух морозом расколот.
Утопая в снегу, полынь
Побрела в темноту и холод.
Ах, и мне-бы и мне уйти,
Догоня воронью стаю.
Где, о где отыщу пути
К голубому блаженному краю!

* * *

Не осенние тучи клубятся—
То померкла моя звезда.
Я давно отвык улыбаться.
Я не знаю что людям дать.
Дни тревожно кружат по разрухам.
Не уйти, не скрыться от них.
Я устал. Я состарился духом
В эти злые и скудные дни.
О, раскройте, сердечные двери,
Встань, любовь, на моей тропе,
Дай мне силу бороться и верить,
Научи улыбаться и петь.
И воспрянув душой печальной,
Через бури неслыханных лет,
Благовестный победный, пасхальный,
Я пройду за тобой по земле.

* *

К непогодам хмурой дали
 Бурный вал мой челн промчал
 Утоли мои печали,
 В голубой введи причал.
 О лазоревом причале
 Я грущу и вижу сны.
 Утоли мои печали,
 Дай безбурной тишины.

П Р А З Д Н И К.

По улице толпа течет,
 Высоко образа вздымая,
 А солнце яркое печет
 И ясно, ясно небо мая.
 Потоком риз, икон, голов
 Дремотный городок запружен
 И голосом колоколов
 И гулом уличным разбужен.
 Никола-Солнышко и Спас
 С Ильей серебрянобородым
 Покинули иконостас—
 Пошли по городу с народом.
 С толпою шествуя вперед,
 Глядит на рублища, на лица,
 На свой возлюбленный народ
 Боголюбивая Царица.
 Громадны очи на лице
 Спокойном высохшем и смуглом,
 Каменья теплятся в венце,
 Как месяц, золотом и круглом,
 Егорий в латах и с копьем,
 Победоносный, юный, гневный,
 Смял Змея вздыбленным конем
 Пред очарованной царевной!

Горя дрожащей бахромой,
 Хоругви в небесах полощут.
 Казаки с важностью немой
 С коней оглядывают площадь.
 В глазах пестрит от стихарей,
 От пыли, поднятой ногами.
 В ушах звенит от тропарей,
 Что гложнут в топоте и гаме.
 Звенят альты, рокочет бас
 Перед толпой тысячелицей:
 — Пресвятая Богородице, спаси нас!
 — Боголюбивая Царице!..
 Священники кресты несут.

Их ризы ярче костяники.
В толпе поют про страшный суд
Седобородые калики:

— Солнце и луна светиться
В день последний перестанут.
Небо кровью замутится,
Часть звезды в темень канут.
И тогда земля сырая,
Ровно свечка, загорится
И от края и до края
В кровь вода перетворится.
И архангельские рати,
Славой молний повитые,
В небесах зачнут играти
В трубы громкие литые.
Рухнут горы, камни треснут.
Заметутся реки прахом.
Все усопшие воскреснут,
К Судии придут со страхом...

Порою в чашку кинут грош:
— Прими-ко Христа-ради, старче!..
Толпа колеблется, как рожь.
Толпа цветов медвяных ярче.
И впереди, и позади
Она струится в тесном русле
В ответ колоколам в груди
Запели трепетные гусли:
Толпа, стоголовая змея,
Вдоль узких улиц извитая!
Люблю идти с тобою я,
Среди счастливых дум витая
Я—лишь звенящая струна,
Я—ива у речного лона,

А ты—соборна, ты—шумна,
Полна смятенья, пенья, звона!
О, как вся эта пестрота
Лохмотьев, ярких узорожий,
Девическая красота—
Чаруют и пленяют очи!
Нестройный гам, обрывки слов,
Источный крик и плачь кликуши
И пестрый звон колоколов
Неудержимо льются в уши.
Слепцы все тянут древний стих,
Под лоб закатывая очи.
Старухи обступили их,
Слезинку выронить охочи.
— Будут князи, будут власти
И лихие человеки

У змеи в железной пасти
 С сатаной гореть во-веки.
 А святые сядут рядом
 С серафимами под пальмы,
 Любоваться горним градом,
 Воспевать согласно псалмы,
 Веселиться в райских куцах,
 В гусли звонкие играя
 Возле рек, млеко текущих
 В берегах медовых рая...

Мне любо тайно подмечать
 Девичьих уст мольбы и вздохи,
 Глазами зоркими встречать
 Зениц стремительных сполохи.
 И если вдруг увижу я:
 Взмахнет мохнатая ресница
 И взгляд, как молнии струя
 Меня ожжет из-под нее,—
 О, смутно, смутно грудь моя
 Любви предчувствием стеснится!
 Сегодня тихая весна
 Загар на девушек навеет,—
 На их устах, сладка, красна,
 Малина огненная спеет.
 И станут по ночам оне
 Кого-то призывать с любовью
 И статный Витязь на коне
 В сереброкованной броне
 Прильнет в безгласной тишине
 К девическому изголовью.
 В его глазах горит гроза
 И, как серпы, бровей излуки...

II.

А уж на площади воза
 Оглобли подняли, как руки.
 Там на прилавках пояски,
 Платки с причудливым узором,
 Цвет-ленты, перстни, образки
 Разложены на зависть взорам.
 Вот «песенники», вот «Крючков»,
 Вот «Гроба тайны роковые».
 Внимательно из под очков
 Старик разглядывает «Вия».
 В лавченках—жамки, леденцы...
 Народ, охвачен вешним хмелем,
 Валит к узорным, как венцы,
 Дрожащим зыбким каруселям.

Выкрики торговцев:

- Солоницы, плошки,
- Расписные ложки,
- Чашки с резьбою,—
- Бери с бою!..
- Пирогов подовые!..
- Пряники медовые!..

Песня сборщика:

— Пожертвуйте, радетели,
Отцы и благодетели,
Небесной Царице—
Заступнице усердной!
Заплатит сторицей
Вам Спас Милосердный...

Грохочет глухо барабан.
Кричит фигляр. Стучат колеса.
Толпа у входа в балаган
Пьяна, мятежна, стоголоса.
Там балалаечник-урод
С подмостков хрипло завывает,
Коверкается и орет—
На представленье зазывает.
Плясуньи балаганных рой
(Царевны в разноцветной сказке),
Пьянясь гармонною игрой,
Сверкая вязью, мишурой,
Бренча монистами, порой
Там выступает в плавной пляске...
С иконостасом на груди,
С борами на багровой вые,
Кричат народу:—Осади!—
Сердитые городовые.
Гремит расстроенный орган:
— Когда-б имел златые горы...—
Скотиний рев, божба цыган,
Молва и песни, брань и споры.
Толпа кипящая валит,
Седую пыль, как дым, вздымая,
А солнце яркое палит
И нежно, нежно небо мая.

РОССИИ.

Ты гостя сумрачного бора,
Где бродит синяя весна.
Глаза—лазурные озера,
А стан—поречная сосна.
• Судьбе—раздумчивой цыганке—
Не разгадать путей цветных.
Ты не раба, не полонянка,
Безмерна ширь надежд твоих,
Через леса, через долины
Ты понесла под вешний гром
Нерукотворную святыню—
Кирку с серебряным серпом.
Гори—ж звездой неугасимой,
Поля и веси obnovи.
А я тебе—моей любимой—
Отдам восторг моей любви.
Люблю я ширь. Но ты дороже.
Мне дорог красный сарафан,
И плат, расшитый спелой рожью
И как береза, стройный стан.
В полях, склонясь к цветам любимым,
Сплету я пояс—зарецвет,—
Отдам тебе. И нерушимым
Пусть будет скромный мой обет:—
Я за тебя в кровавой сече,
С певучей нежностью умру—
За зеркала твоих поречий,
За тропы в сумрачном бору.
Так взвей—же взвей зовущим стягом
Свой плат над ширью полевой
И укажи своим бродягам
Пути на подвиг заревой.

ПОКЛОНЕНИЕ ЖИЗНИ.

Весной, в лесу мне хочется заплакать
Прозрачными и чистыми слезами,
Как чисты воды в озере студеном.
Заплакав, хочется к Праматери приникнуть—
К земле—кормилице—к траве, что так похожа
На шелковые волосы девичьи,

Приникнув—да устами надышаться
Медовой, сочной влагой чернозема
И, впитывая влагу полной грудью,
Взглянуть на солнце, на лесные дали
И вновь упасть—в слезах любви и счастья.
Я плачу не от боли и потери,
А от того, что сердце неместимо
И воспринять всей красоты не может
Люблю—же я любовью неземною
Земную радость—каждый легкий шелест
Цветы, их краски, их дурманый запах
И все, что есть под небом бирюзовым.
Любить, томиться—обрести навеки
Великий смысл нам, людям, данной жизни,
Познать ее безмерное величье
И, став простым, спокойным мудрецом,
Сказать восторженно, что жизнь—граница счастья.

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

За городом, под кедрами печальными,
Под кедрами ливанскими—погост.
Он бузиной, шиповником зарос
И днями вешними—прозрачными, хрустальными—
Он солнечен, он радостен и прост.
Он ночью веет древними преданьями—
Ночами иудейски—изначальными—
В червонном блеске древних—древних звезд.
Здесь нет крестов. Здесь памятники скорбные.
На памятниках надписи, как вязь.
Я каждый день, тоскуя и томясь,
Иду в поля вечерние, предзорные
Глухим погостом. Ветер сушит грязь,
Ласкает кедры. А венки узорные
Звенят, как песня, бледно золотаясь,
Здесь глушь, безлюдье. Изредка встречается
Раввин задумчивый, похожий на Христа,
Проходят тучи. Тучи, как мечта,
Легки мгновенны. Сердце проникается
Тоской, любовью. Ранняя звезда
В вершинах кедров странницей скитается,
— Смотри. Следи. Что видишь—Красота!

* * *

Синее утро—оранжевый иней,
Синяя комната—рдяный рассвет.
Вижу в окошко: над дымной низиной
Искрится солнце— мой амулет.
Солнце на стекла бросает колечки.
Стекла зарделись янтарным руном.
Синяя комната. Топится печка,
Пол, в отраженьях,—сквозной водоем.
Хочется теплой, дружеской ласки,
Хочется музыки тихих речей,
Синие стены в цветной опояске,
Алые окна горят все нежней.

* * *

В овраге елочка в седеющем уборе,
Холодный снег, что полог холстяной
И голубые башенки собора—
Старинный храм— убогий, вырезной,
В горе дома. На окнах занавески.
Дома стары, стары, как терема.
А над горой, где блещут перелески,
В оборках туч—лиловая тесьма.

ПЕСНИ ТРУДА.

Сегодня все поверим в чудо
И будем радостней зари:
На зов страны к нам отовсюду,
Встают Труда—богатыри.
О, Русь! Смотри, как смелы лица.
А души, души, как—весна,..
Не им ли будет день молиться,
А вечность встанет у окна?!
И не они ль, как—в Днепр широкий
Свергала Русь былых богов,—
Мир старый—рабства и порока
Навеки сбросят в тьму веков?..
Так будем верить, верить в чудо
Преображения земли...
Не мы ль во всем, везде, повсюду—
Всем Солнце новое зажгли?!

* * *

Сольемся все в один набат
С невидимых для глаза колоколен;
—К труду!— Кто нам душою брат
И кто тоской о счастье мира болен...
Республика! Как мать прими
Сегодня мой сыновний поцелуй...
Любовь мечты все, все возьми!
И хмелем радости весенней околдууй...
Дай мне для песен музыку Труда,
Земли— о счастье: грезы и тоску...
Твои дары я в сердце навсегда—
Всемирному оркестру сберегу...

* * *

В волнах изжитого обмана
Наш парус—пламенность души...
Пусть—скалы, бури и туманы,
Чем—бухты гаваней в тиши!
Плывем под пенью звонкой стали
От царства полночи глухой..
Пусть все измучены, устали,
Но лишь—не отдых и покой...

И мнится: краше, драгоценней
Маяк наш—Красная Звезда.
Не воскресенье ли вселенной
В оркестре Армии Труда?

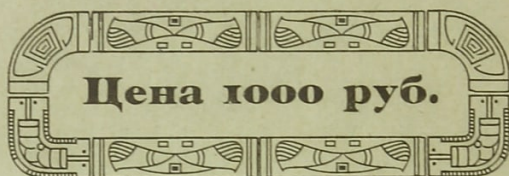
* * *

Впереди еще много крови...
Но победа—близка!
Труд и мускулы! Все—перестроим:
Пусть борьба не легка!..

* * *

Будем верить, что мы увидим
Радость наших знамен...
Пусть, как Китеж мир новый—невидим,—
Но... в душе он—рожден!

250

Цена 1000 руб.

